

Александр Матяш

*Дао
Блаженств*

Александр Матяш

Дао Блаженств

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641284
ISBN 978-5-4474-1998-1*

Аннотация

В этой книге содержатся ответы на вопросы, которые рано или поздно встают перед любым человеком, интересующимся как христианством, так и восточной традицией: что общего между ними? Где заканчивается их различие и начинается сходство? Можем ли мы из нашего сегодняшнего дня получить ключ к чтению древних текстов? Книга будет интересна и полезна как специалистам (психологам, культурологам), так и всем тем, кто всерьез занимается духовными практиками.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	10
Введение	10
Глава I	12
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Дао Блаженств

Александр Матяш

© Александр Матяш, 2015

© Александр Матяш, дизайн обложки, 2015

© Александр Матяш, иллюстрации, 2015

Редактор Татьяна Кормилицина

Редактор Вероника Могила

Редактор Ольга Кузьменко

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Предисловие

История создания этой книги не совсем обычна. Можно сказать, что идея написать ее возникла спустя долгое время после того, как практически все ее живое содержание появилось на свет.

Случилось это так. По профессии я психотерапевт. Как у всякого врача, моя работа состоит из встреч, общения, а затем неизбежного расставания с теми, кому я помогаю.

И вот как-то раз несколько моих пациентов, работа с которыми подходила к концу, сказали мне: Александр Иванович, мы не хотим с Вами расставаться. «Мало ли чего кто не хочет», – про себя подумал я, а вслух сказал: «Рад это слышать, но как вы себе это представляете, ведь психотерапия уже закончилась»? И тогда у одной из пациенток возникла гениальная, как впоследствии оказалось, мысль. «Мы хотели бы научиться думать. Думать и понимать как людей, так и содержание книг, на которые вы ссылаетесь. Научите нас этому». И вот, в ходе предварительных дебатов, стала прорисовываться идея семинара, на котором обсуждались бы глубокие и сложные для понимания тексты (или места из текстов), с одной стороны, может быть, и широко известные, с другой стороны, такие, традиция толкования которых либо утрачена, либо никогда не была известна широкой публике (есть еще третий вариант – когда смысл текста кажется настолько

очевидным, что его подлинная глубина из-за этой кажущейся очевидности ускользает от глаз читателя. Забегая вперед, можно указать, что именно к такому типу текстов ныне относятся все Евангелия).

И так как первый же семинар показал необыкновенную тесноту и слов и мыслей, то впредь эти семинары было решено записывать на диктофон. По мере накопления и распечатывания возникающего на семинаре материала (спустя долгое время, надо сказать) наконец-то появилась мысль создать из лучшего книгу. Признаться честно, я пошел на это не без некоторых колебаний. Слишком уж откровенны многие места в этой книге. Причем эта откровенность касается не только вашего покорного слуги (хотя его в первую очередь!), но и всех остальных участников семинара. А ведь все участники – живые, реальные люди, среди них нет ни одного «выдуманного» персонажа. Кто-то из них – профессиональный филолог, кто-то финансовый директор крупной компании, кто-то преподаватель в известном ВУЗе и т. д. И все их проблемы – как на ладони. С другой стороны, те, кто читал эти семинары, признавались, что следить за тем, как развивается та или иная абстрактная, казалось бы, мысль в живых, конкретных головах – очень увлекательно.

Нельзя не заметить, что, помимо увлекательности, такое сочетание дает еще одну немаловажную особенность текста – его глубокую практичность для тех, кто всерьез занимается духовными практиками. Здесь можно будет найти ответы на

многие действительно волнующие ищущих людей вопросы: что такое настоящая медитация и чем она отличается от своих ложных двойников, какие ловушки ждут нас на духовном пути, как понять, где заканчивается действительное и начинается желаемое, и не ошибиться, таким образом, в оценке своих духовных достижений, и многое другое.

Все это, вместе взятое, заставило меня, после некоторых раздумий, принять решение о публикации книги. Выжав, где можно, лишнюю воду и основательно доработав остальное, автор, заручившись поддержкой и согласием участников семинара, решился смиренно отдать полученный результат на читательский суд.

В первую книгу (а я надеюсь, что будут и другие) вошли беседы по Нагорной проповеди (главы 5–7 Евангелия от Матфея), а также несколько семинаров по чаньским гуньяням¹. Такое сочетание не случайно. Чаньские (и дзенские) мастера, встречавшиеся с евангельским текстом, давно подчеркивали его глубинную близость и даже родство со своим собственным учением.

Однако серьезных попыток (популярная литература не в счет) показать это родство или хотя бы приблизиться к его пониманию с нашей, западной, стороны, насколько мне известно, не было. Конечно, данная книга пока не ставит перед собой целью сравнительно-культурологическое исследо-

---

¹ Гуньянь – знаком «звездочка» в тексте отмечены первые упоминания слов, толкования которых приводятся в Словаре в конце книги.

вание чаньской традиции и христианства. Однако осмелюсь предположить, что понимание их глубокой духовной близости и даже родственности возникнет у читателя в конце книги весьма отчетливо.

Чтобы не забегать слишком далеко вперед, ограничусь здесь лишь общим замечанием: первое, что роднит чань и христианство, это чистота креативного принципа, для которого характерна нацеленность на творческое преобразование личности и ее направленность на глубинные уровни сознания, в которой форма играет второстепенную и подчиненную роль. А кроме того – простота и изящество «надводных» конструкций в сочетании с глубиной и основательностью «подводных» частей, что в итоге и дает столь поразительную для обеих культур прикладную эффективность духовных психопрактик.

Тем не менее, несмотря на все вышесказанное, я считаю, что читатель все же вправе задать вопрос: а какую все-таки цель преследует превращение этого материала в книгу? Что ж, попытаюсь коротко ответить на него.

Эта книга представляет собой попытку вернуть первозданную свежесть словам, стершимся до уровня банальных «общих мест» за прошедшие тысячелетия своего употребления и потерявших (или почти потерявших) из-за этого былую силу своего преобразующего воздействия на человеческое сердце.

Так как воспроизвести силу впечатления и веры древних

христиан не представляется возможным, — увы, не к чести нашего времени... — автор со своим маленьким творческим коллективом пошел другим путем — через попытку раскрытия глубинных пластов смысла, заложенных в словах Христа.

Такая же работа была проделана и в отношении чаньских гунъаней. Только в этом случае она производилась не из-за «затертости» смысла, а наоборот — из-за его новизны и непривычности для европейского сознания.

Вопреки противоположности мотивов результат в первом и во втором случае в чем-то совпал.

О том, насколько удачным получился данный проект в целом, мы предоставляем судить читателю.

Часть I

Введение

В культурном обществе, условно называемом «западная цивилизация», трудно найти книгу, которая оказала бы большее влияние на все сферы человеческой жизни и смерти, чем Евангелие. Это влияние без преувеличения можно назвать всеобъемлющим, в том числе в силу того мощного воздействия, которое оно оказало на коллективное бессознательное* западной ойкумены. Главной причиной столь глубокого влияния на умы, сердца и все остальное, что есть у людей, следует, на мой взгляд, считать систему морально-нравственных, экзистенциальных, метафизических и прочих ориентиров, которые были в ней предложены в качестве базовых. Сознательно или подсознательно, но мы всегда знаем, *что есть добро и что есть зло*, когда наш поступок хорош, а когда плох. Это знание при соответствующих жизненных выборах «поднимается» из бессознательных глубин, способствуя алхимическому процессу расширения сознания, а в противоположной ситуации – наоборот, уходит на дно, как Атлантида, вовлекая человеческую душу в бездны невроза. В любом случае, и взлет и падение происходят в единой системе координат морально-нравственных ценно-

стей, независимо от того, отрицают эти ценности ее носители или нет.

Именно по этой причине постижение Евангелия и его истин является фундаментальным условием вступления на путь интеграции со своей самостью*. Оно по определению не может носить сугубо теоретический характер, так как в этом случае у слепившихся пластов нашего бессознательно не будет шансов стронуться с места.

Евангелие было выбрано в качестве одного из наиважнейших текстов мировой культуры, достойных самого трепетного, глубокого и уважительного изучения.

Так как анализ всего текста Евангелия потребовал бы колоссальных усилий, мы ограничились только текстом Нагорной проповеди (Евангелие от Матфея, гл. 5–7) как наиболее яркой и глубокой его части, квинтэссенции учения Христа, к тому же изложенного Им самим.

В заключение этого вступления остается лишь отметить, что автор и его маленький творческий коллектив отдают себе отчет в том, что на поверхность поднята лишь самая малая часть той непостижимой Божественной мудрости учения Иисуса, что доносится до нас сквозь века, не уставая потрясать и преображать наши души.

Глава I

Восемь блаженств:

программа духовного роста

*Увидев народ, Он возшел на гору;
и, когда сел, приступили к Нему ученики Его.
2 И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря
3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.*

А: Начнем со слов Иисуса: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Кто как понимает эту мысль?

Д: Нищий – это тот, кто не считает себя богатым. Очевидно, имеется в виду такое отношение, когда никакое богатство – ни духовное, ни материальное – не имеет значения. Человек не берет на себя смелость судить о своих заслугах, об уровне своей духовности, потому что знает, что Богу виднее. Он предстает перед вратами Царствия Небесного таким, каков он есть, не предъявляя собственных достижений или богатств, которыми якобы владеет, так как осознает, что все эти «ценности» уже сами по себе являются для него ловушкой греха гордыни; а ведь в таком случае ему никогда не войти в это Царствие.

А: *«Я в суетной жизни с опаской великим дивлюсь*

добродетелям,

*Приносящим великие блага своим добросклонным
владельцам.*

*Оттого, что великие блага, уподобясь великим врагам,
Великими путами вяжут их по рукам и ногам»².*

Да, казалось бы, все понятно. И можно переходить к следующей строке. Или, может быть, кто-то хочет что-нибудь добавить?

М: Моя точка зрения очень близка к тому, что сказала Дарья. «Нищие духом» – это те, кому присуще смирение и у кого почти отсутствует эговая³ составляющая.

---

² Бхартрихари (прибл. IV – VII вв.)

³ Эговый – имя прилагательное, образованное от слова «эго». Современные толковые и даже энциклопедические словари русского языка не включают слово **эго** в свой словарь, видимо, считая его очень специальным и редко употребляемым. В наше время, однако, частота его употребления резко возросла не только среди узких специалистов, но и среди широкой публики. Это и понятно – нельзя не отметить возросшего интереса людей к вопросам психологии, духовности, к своему внутреннему миру. В рамках философского семинара, возглавляемого автором этой книги, вопросы, касающиеся **эго** и работы с ним, занимают центральное место. В ходе их обсуждения обсуждение обнаружилось, что заимствованное слово **эго** вполне комфортно располагается в занятой им «нише» русского языка, о чем свидетельствует его высокая словообразовательная активность. По существующим в русском языке словообразовательным моделям очень быстро возникли многочисленные дериваты, с помощью которых точно и емко передается смысл, который довольно трудно выразить по-русски используя другие языковые средства. Ср.: **эговый** – прил. – имеющий отношение к эго (спазм) опирающийся на него (позиция, взгляд), несущий не себе его интенциональную печать (оправдание, обида), антоним: **безэговый** (состояние, поступок); **эговость/безэговость**, сущ. – качество эгового/безэгового (сознания, челове-

А: «Присущее смирение и *почти* отсутствует...» – так интересно это «почти».

М: Саш, среди простых смертных – а ведь Он обращается к обычным людям, к своим ученикам – вряд ли были такие, кто полностью преодолел свое эго*.

А: Вот стихотворение, которое, я считаю, подходит в качестве иллюстрации к третьему стиху:

*Богатым не стал я,
ученым не стал я,
заслуги святой не обрел я,
и время мое истекло⁴.*

Попробуйте прочувствовать состояние такого человека. Представьте себе, что вы собираетесь на Страшный Суд, а принести-то вам туда и нечего – нет никаких заслуг.

М: Но это перечисление – «Богатым не стал я, ученым не стал я...» – отнюдь не есть то, что приносят на Страшный Суд. Что имеется в виду? Некий не достигнутый за жизнь статус? Или не приобретенное богатство?

А: Я хочу, чтобы вы поняли, о каком состоянии идет речь. Попробуйте представить себе, что вы, каждый из вас, остал-

---

ка); эгово/безэгово, нареч. – качество действия (поступить); **эговѣще**, сущ. – о сильном эго; **надэговый**, прил. – преодолевший ограничения эго (сознание); **доэговый**, прил. – о состоянии сознания, исторически предшествовавшем появлению эго. Возник даже фразеологизм, полюбоившийся всем участникам семинара – эго болит. (Прим. ред.)

⁴ Дандин (VIIв)

ся в горах один, и пришло время умирать – так получилось. И вы совсем-совсем одни – никто не утешит, платочек не подаст, не поможет. Только вы и небо над головой – безмолвное, нечеловеческое небо. Что такое человек? Просто какая-то ничтожная форма, которая пришла ненадолго – и нет ее. Динозавры, например, правили землей намного дольше, чем будут править люди. Homo sapiens на этой планете так долго не проживет. Даже они, такие устрашающие, огромные, все канули в Лету, и с нами будет то же. А небо как было, так и осталось. Оно никогда никому не принадлежало, но все принадлежало ему. Попробуйте это увидеть. Попробуйте ощутить эту трепещущую бездну беспредельного отчаяния, когда не на что положиться, нечего принести – хоть что-то, что могло бы как-то помочь. Вы собираетесь туда, к Нему – начинаете вспоминать свои заслуги: вот это я сделал, вот... ребенка вырастил, еще что-то вспомнится; и вдруг всё – без всякой подсказки – в ваших глазах оказывается таким ничтожным, ничего не стоящим, бесполезным. Все – и только одна пустота в ваших руках. А руки уже старенькие, покрыты морщинами, дрожат, ничего не могут. В таком беспросветном отчаянии есть только одна последняя мольба, молитва... Как православные говорят: «Остается только на Господа уповать». Только это упование на Господа. Больше ничего. Без всякой надежды, без всякого ожидания прощения. Помните притчу про мытаря?

Два человека вошли в храм помолиться: один

фарисей, а другой мытарь.

Фарисей, став, молился сам в себе так: Божже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю.

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Божже! Будь милостив ко мне грешнику! (Лк.18.10–13)

И больше ничего. Ни-че-го. Потому что добавить-то и нечего.

Получается, что этими словами Иисус обосновал и предвосхитил свою собственную долю, свою собственную участь. Каким образом? Только когда ничего не ждешь и ни на что не опираешься, а самое главное – ни на что не надеешься – только в этом состоянии Царство Небесное входит в душу само. Тихо-тихо... Когда уже не осталось никаких надежд, чаяний, упований – ничего, на что эго могло бы опереться. Или во что оно могло бы упереться; что по сути, наверное, одно и то же.

Есть еще одна тонкость в том, что касается «нищеты духа», о которой нельзя не упомянуть. Это отсутствие понятийной (да и вообще ментальной) опосредованности восприятия опыта. Проще говоря – так называемого умствования. Через смирение, через «сокрушение души», как объяснил

эту строчку блаженный Феофилакт⁵, это отсутствие умствования тесно связано с тем, о чем мы только что говорили, но все же имеет и самостоятельный смысл. Чем больше объяснений, схем, рассудочных построений мы носим в своей голове, тем легче нам оправдать любые свои отступления от внутренней правды и тем труднее живому смыслу достучаться до нашего сердца. В этой точке понятия «умствующий» и «надменный» становятся очень близки. Блаженный Феофилакт, комментируя эту строку, пишет: «Так как Адам пал от гордости...» А ведь Адамова гордость выразилась в том числе и в том, что в ответ на упреки Господа в послушании он принялся «умствовать», то есть выгораживать себя, перекладывая всю вину за вкушение от древа познания на Еву.

Понятно, что слова Иисуса прежде всего обращены к тем, кто «нищетою духа» отнюдь не отличался, то есть к книжникам и фарисеям. Однако если говорить о тех, кто исторически стоял наиболее близко к идеалу «нищих духом», то в первую очередь вспоминаются адепты и наставники чань, в наибольшей степени реализовавшие принцип «наполненного безмолвия». Естественно, после наших православных юродивых. И после исихастов⁶, разумеется, – священно-без-

---

⁵ Феофилакт, Архиепископ Болгарский, Орхидский – крупный византийский писатель и богослов, комментатор Библии. Жил во второй половине XI – начале XII вв. Феофилакту часто называют «блаженным», однако он не входит в число святых Православной церкви.

⁶ **Исихазм** (от др.-греч., «спокойствие, тишина, уединение») – особого рода мистическая практика православных монахов (*исихастов*), в которой применя-

молвствующие вообще вне конкуренции.

Если рассматривать эту дилемму как парадигму – в чем заключено блаженство нищих духом: в стремлении к познанию или же в смирении – идеальным ответом будет: смиренное стремление к познанию. Но если рассматривать ее части как антагонистические полюса и ставить вопрос так: что важнее – смирение или стремление к познанию – то, я считаю, что смирение, вне всякого сомнения, важнее, чем стремление к познанию. Впрочем, в этом вопросе есть свои нюансы. Во-первых, почему важнее? Потому что стремящихся к познанию и впоследствии использующих обретение знания для укрепления своего эго очень много. И этот факт жизни отчетливо показывает, что стремление к познанию само по себе блаженства не приносит. Так же верно и другое: смирение тоже может быть неправильным. Стремление без смирения, как и смирение без стремления неконструктивно. Смирение, не несущее в себе потенциала к развитию...

М: Но это же не смирение.

А: Совершенно верно. А что это?

М: Перевертыш* гордыни.

А: Каким образом? Раскройте механизм.

М: Когда человек произносит слова: «Вот такое я ничтожество», всем вокруг кажется, что он раскаивается, но в глу-

---

ется безмолвная молитва ради созерцания Божественного света. В основе философии *исихазма* лежит представление о том, что можно созерцать непознаваемое (Бога) посредством божественных энергий.

бине души он сам себе говорит: «Вот я какой – я раскаялся, я смог произнести вслух такие ужасные вещи». И начинает этим гордиться. Кроме того, такое уничижительное отношение к себе оправдывает многие неблагоприятные поступки. Люди очень часто используют этот прием, чтобы оправдаться.

А: Смирение, стремящееся к оправданию своей ничтожности, занимается онтологизацией и гипостазированием своей ничтожности как сущности.

Д: Отвергая Божественное...

А: Да.

Д: Получается – хула на Бога.

А: Из такой позиции много что можно вытащить. Но самое главное свойство истинного смирения, на мой взгляд, заключается в следующем. Это настолько глубокая медитация и полная капитуляция*, которая очень сильно расслабляет человека изнутри его ничтожества, что дает ему возможность открыть каналы более глубокого взаимодействия с глубинными слоями его сущности. Ведь ничтожество – это всегда очень сильный спазм*: трусость – это спазм страха, глупость – спазм ума и т. д. В словах: «Да, я ничтожен, с этим ничего не поделать» во-первых, содержится момент несмирения и серчания, а во-вторых, утверждается такая позиция (являющаяся сама по себе спазмирующей), которая отрицает возможность какой бы то ни было помощи свыше, что полностью исключает возможность изменения сознания, пусть

незаметного, но глубокого.

Стремление к познанию без смирения ни к чему, кроме укрепления гордыни, в принципе привести не может. Смирение без стремления к познанию превращается в вариацию той же гордыни и также исключает возможность развития, однако несколько иначе, чем стремление к познанию без смирения: под угрозой оказывается вообще возможность какого-либо изменения себя. В первом случае исключается возможность преодоления эго – оно только больше укрепляется; а во втором исключается в принципе возможность какого бы то ни было движения сознания, его развития. Поэтому блаженство нищих духом, видимо, следует признать чем-то более сложносоставным, чем нам с вами виделось в начале нашего рассуждения. В этой дихотомической паре – смирение и стремление к познанию – смирение очевидно играет более важную роль; во всяком случае, ловушка стремления к познанию с последующим переворачиванием в гордыню чаще встречается в сансаре. Однако было бы неправильно, рассудочно и ошибочно их противопоставлять. Наоборот, их нужно соединять между собой, привнося в стремление к познанию смирение, а в смирение – стремление к познанию (для профилактики онтологизирования своей ничтожности).

4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

М: У меня возникает ассоциация с притчей о мытаре.

Д: Это же о капитуляции: он сдался, открылся, признал свою вину, увидел свою греховность. Он обливался слезами, бил себя в грудь и говорил: «Господи, прости меня, грешного». Не расплачешься – не капитулируешь.

А: Как трудно вернуть свежесть словам... Бойко так у вас получается. Я понимаю, это не ваша вина. Фразы эти оскомину набили, впитались в плоть и кровь нашу... Блаженны не имеющие святой заслуги. Блаженны не имеющие мощного интеллекта, ибо их опыт более непосредственен, чем у всяких умников-заумников.

Опять опыт. Везде должен быть именно опыт. Давайте посмотрим, как это происходит. Человек плачет. Плачет долго и безутешно. Почему он плачет? Как правило, это связано с мыслью о каком-то разочаровании, огорчении, потере, о чем-то таком, на что надеялся, на что опирался, а оно вдруг – раз! – и нас оставило. Крайние случаи – это потеря близкого человека. И вот как интересно: в какой-то миг, в какой-то момент, когда слезы уже не могут литься, они уже закончились, внутри пустота... мы так долго предавались горю и отчаянию, совсем не осталось сил – и наступает совершенно удивительная тишина. Удивительная тишина. Как будто что-то подступает изнутри... подступает... подступает... утешает какой-то внутренней реальностью. Понимаете, в чем тут дело? Вот вы очень хорошо передали смысл этих слов. Все так бойко ответили. А в жизни этот сокровен-

ный миг тишины все почему-то пропускают.

В: У меня обычно возникает очень сильное сопротивление: надо плакать, потому что так положено.

Д: После того, как я однажды этот миг почувствовала, для меня это одно из самых удивительных состояний. Очень короткое мгновение, когда не понимаешь: есть ты или нет тебя. Время останавливается и пульсирует в одной точке. И из нее может начаться все, что угодно. Новая жизнь...

А: Даша, ну значит ты – исключение, тебя, похоже, надо канонизировать.

Д: Если бы еще удавалось оставаться в этом состоянии, тогда – да.

А: Самое главное и заключается в том, что мы не можем там задержаться. В каждом плаче обязательно есть такой короткий миг просветления. Но мы его проскакиваем – из-за нашей эговости. Мы им пренебрегаем, мы не хотим в нем раствориться.

У: Почему мы его пропускаем? Из-за суеты? Из-за нежелания остаться? Почему?

А: Потому что мы не чувствуем его ценности. Мы не знаем, что он там есть. Когда он подступает, мы не воспринимаем его как утешение. Более того, мы на себя начинаем даже серчать и злиться. «Ну что? Отплакалась?» – говорим мы сами себе. Мы воспринимаем его просто как защиту от горя, которое на нас обрушилось, и отталкиваем его от себя, цепляясь за свое отчаяние. Мы не хотим раствориться в этой ти-

шине. Доводим себя слезами до такого состояния, когда действительно срабатывает защита и наступает то одеревенелое бесчувствие, когда уже все равно. А вот этот миг – просвет в тучах, Божья длань, дар Его утешения нам – этот миг мы проскакиваем по своему бесчувствию, по какому-то напряжению, а самое главное, потому что мы свой плач считаем чем-то очень, очень...

В: ...очень ценным.

А: Да. И когда оказывается, что что-то незначительное, что-то очень простое и легкое может снять с нас эту одебенелость душевную (как будто протерли окошко тряпочкой, смахнув с него толстый слой пыли), мы вдруг спохватываемся, мы негодуем, говоря: «Нет! Верните все на место! Наше отчаяние нам слишком дорого!» И ради этого мы жертвуем мигом утешения. Научиться этот миг воспринимать, научиться его впускать, погружаться в него – это великое искусство. Величайшее. Ибо на нем, как на острие лезвия, сходятся искусство присутствия и искусство капитуляции. Эти слезы должны быть очень одухотворенно пролиты – как проливаются слезы перед иконой. В обычных слезах этот миг тоже наступает, но мы его практически *никогда* – за редким исключением – не воспринимаем. Не очищают нас слезы. А почему? А потому что мы в негодовании отвергаем это очищение. Феофилакт по этому поводу говорит: «Разумеются плачущие о грехах, а не о чем-либо житейском». Я с ним согласен лишь отчасти.

Действительно, слезы могут быть злыми, а плач – эговым, и тогда, естественно, ни о каком утешении речи быть не может. Но если плач не вызван досадой или злобой, у него всегда есть шанс закончиться капитуляцией. Другое дело, что присутствие* в этой капитуляции, то есть, то самое Христово «утешение» – мероприятие весьма и весьма непростое, требующее немалого опыта внутренней жизни, утонченного самосозерцания и искусного навыка в обращении со своим духовным опытом.

Возьмем святое Евангелие от Матфея с толкованием блаженного Феофилакта.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное»

Комментарий блаженного Феофилакта: *«Выставляет смирение как основание жизни. Так как Адам пал от гордости, то Христос восстанавливает нас через смирение. Ибо Адам надеялся быть Богом. Сокрушенные душой – это нищие духом».*

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся».

Комментарий: *«Разумеются плачущие о грехах, а не о чем-либо житейском. Сказал „плачущие“, то есть всегда, а не один только раз и не о своих только грехах, но и о грехах ближних. Утешатся они и здесь, – ибо кто плачет о грехе, тот духовно радуется здесь, – а тем более там».*

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»

Комментарий: *«Некоторые под словом „землю“*

разумеют землю духовную, то есть небо, но ты разумей и эту землю. Так как кроткие обычно считаются презренными и лишенными значения, то Он и говорит, что они-то преимущественно и имеют все. Кроткие же – это не те, которые совершенно не гnevаются (ибо таковые лишены разума), а те, которые имеют гнев, но воздерживаются, гневаясь тогда, когда нужно».

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

Комментарий: «Когда Он намеревается говорить о милосердии, то прежде всего показывает, что нужно приобщаться к справедливости и не делать милостыню из награбленного. Правды должно искать со всяким усердием, ибо это обозначают слова „алчущие и жаждущие“. Так как и корыстолюбивые представляются живущими в довольстве и сытости, то Он говорит, что тем более праведные насытятся и здесь, ибо они располагают своим имуществом безопасно».

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

Комментарий: «Милосердие можно оказывать не только имуществом, но и словом, а если ничего нет, то и слезами. Они получают милость и здесь от людей, ибо тот, кто вчера оказывал милость, если он сегодня лишится всего, встретит милосердие со стороны всех; но особенно потом поможет ему Бог, после кончины».

А: Ваши впечатления?

М: Как-то поверхностно. Для бабушек, которые пришли в церковь. Значение слов поясняется, но не раскрывается глубинный смысл.

Д: Он говорит о том же, о чем и мы, но не наполняет слова пониманием.

А: Это словоблудие, Даша. Бессмысленное перебирание слов и больше ничего.

Д: Разбери, пожалуйста. Вот: «Блаженны плачущие...»

А: Хорошо. «Разумеются плачущие о грехах, а не о чем-либо житейском». Где Иисус сказал, что имеются в виду плачущие именно о грехах? Разве Он об этом упоминал?

Д: У нас о чем шла речь? «Плачущие о своем несовершенстве». Мы же говорили здесь о капитуляции.

А: Не-ет. Значит, ты чего-то не поняла, Даша. Плачущие *об утрате*. Но эта утрата может быть любая. Может быть утрата состояния – пожалуйста. Может быть утрата близкого человека, надежд. Это может быть даже утрата поста, должности. Не имеет значения, ибо не важно, с чего плач начинается. Важно, во что он перерастет. И сожалея о потерянной должности или утраченных деньгах, можно, в конце концов, прийти к пониманию тщеты всего мирского и обратиться взором к миру горнему. И наоборот, плача о грехе, можно сокрушаться о нем с тайным эговым самодовольством, впадая в еще бóльший грех. Такое разделение плача, проводимое Феофилактом, слишком формально и не отражает динамики этого состояния, а она-то здесь как раз наиболее важна.

В: Мы говорили об искренности плача.

А: Мы говорили о плаче как о процессе. А здесь речь идет только о тех, кто плачет «о грехах, а не о чем-либо житейском». Мы обнаружили очень важную точку, которая возникает в самом конце плача и из которой есть выход в капитуляцию и расширение сознания*. У Феофилакта этот момент раскрывается так: «Утешатся они и здесь, – ибо кто плачет о грехе, тот духовно радуется здесь, – а тем более там». Вы можете эти слова в себя вместить? Они бессмысленны. Они, как камешки, перекатываются между пальцами, грохочут, но никакой сути в себе не несут. Благоговейно и бессмысленно. Вот, вспомнил подходящее слово – благоглупости!

В: Мне не кажется, что плачущий духовно радуется. Если человек плачет – он плачет, а не духовно радуется.

М: Он плачет, но при этом духовно радуется. Какое-то раздвоение личности.

Д: А ты уверен, что ты правильно понимаешь его? Все-таки это XI век, там слова могли иметь другие значения. Что могли тогда называть духовной радостью?

А: Видишь ли, мы тоже говорим, что плачущие утешатся и духовная радость наступит. Но процессуально она наступает после плача, а не в тот же самый момент. Здесь же – кто плачет, тот радуется. Плач равен радости. В таком случае не будет момента раскаянья. Не будет момента выхода из скорлупы эго. На самом деле, радость возникает только после исчезновения этой скорлупы. Если бы было верно то, о

чем пишет Феофилакт, то тогда и Христос сказал бы: «Блаженны плачущие, ибо они утешаются» (прямо здесь и сейчас). Если говорить по сути – сюда вкралась онтологическая, то есть сущностная, ошибка. Видите ее?

М: Ты говорил, что люди в основном проскакивают в плаче точку тишины. Мне кажется, он ее тоже не заметил. Он описал только состояние и выход из него.

А: К сожалению, в православии эта тенденция к благоглупости очень сильна. Здесь ничего не поделаешь, увы, это болезнь. Между прочим, блаженный Феофилакт был учителем риториков, то есть считался особо отличившимся в проповедничестве. Изданы все четыре Евангелия с его комментариями.

У: Отчего такое происходит? Они сами не понимают этой глубины?..

А: Да. Заменяют ее елеем.

У: ...или они не хотят, чтобы мы, паства, это понимали?

А: Ну уж, в таком глубинном сатанизме я Феофилакту поздравлять не стану. Кроме того, что я уверен, что подлинно глубинные толкования и были и есть.

Д: О-ох, ну значит, я не умею разбираться еще, где зерна, а где плевелы.

У: Я думаю, это воздействие духовного авторитета и пietet... Даша, ты сама мне рассказывала, как Саша показывал ремесленническую икону, очень посредственную. А поскольку это была *икона*, то и впечатление было – а-ах! Так и

тут, оно как-то бессознательно срабатывает.

А: Да. А ведь Иисус учил прежде всего с этими механизмами иметь дело: видеть их, работать с ними, не допускать их искажающего воздействия. И держаться только за правду, за живую истину.

5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

А: Что скажете? Давайте возьмем слово «кроткие».

Д: Это не про меня. Я про это ничего не знаю.

М: Что значит «кроткий человек»? Смиранный. Без гордыни. Кротость...

Д: Имеется в виду, что алчущим ничего не достанется. Достанется тем, кто ничего не жаждет. Причем они не просто «получат», а «наследуют».

А: Кто такой кроткий человек? Что такое кротость как психологическое качество?

М: Кроткий человек принимает любую ситуацию.

А: А кто ситуацию *не* принимает? Тот, который... что делает?

Д: Которому не нравится, как она складывается. Который ожидал чего-то другого.

М: Ожидания которого не совпадают со сложившимися обстоятельствами. Он либо ситуацию, либо себя в ней не принимает.

А: Да. У которого есть какие-то преднастройки...

Д: Получается, что кроткий – это тот, кто все надежды возлагает на Бога.

М: Не имея никаких ожиданий на будущее – преднастро-ек.

А: Да. В чем главная причина непринятия ситуации?

Д: Человеку кажется, что он знает, *как* лучше.

А: Нет. Главная причина в том, что ему кажется, что *он* – лучше, чем тот удел, который он получает. Не *как* лучше, а *он* лучше. Он не согласен с тем жребием, который ему выпал...

Д: И от этого очень сильно страдает, мучается.

М: А кроткий человек из-за этого совсем не изводится. И от этого некроткому становится еще хуже.

А: И так он, некроткий, в конце концов доводит себя до...

М: ...до невроза.

А: Такой человек невротик уже потому, что он некроткий. Ему и не нужно доводить себя. Так что единственное, до чего ему осталось себя довести – это состояние полного исступления, переходящего в спазм хронического непринятия, то есть отчаяния. И получается, что кроткий – это тот, кто принимает смиренно себе в удел все, что Господь ему ни пропишет.

Д: А если человек всегда бедный, несчастный, на все жалуется, он кроткий или нет?

М, В: Раз жалуется – значит, не принимает.

Д: Значит, кроткий человек на самом деле должен быть

спокойным и веселым.

А: Люди, забитые жизнью, кротостью не отличаются, это правда. Обида и унижение, как правило, порождают гордыню. Они начинают самоутверждаться за счет других. Я встречал людей, использующих оскорбления и унижения в качестве терапевтических приемов. Они искренне считают себя Мастерами и уверены, что очень хорошо помогают людям.

Д: Они, видимо, не очень озабочены результатом такой помощи: выплывешь – хорошо, а не выплывешь – туда тебе и дорога.

А: Хуан-бо тоже вел себя так с Линь-цзи. Вспомните историю просветления Линь-цзи⁷ – когда он приходит к Хуан-бо, а тот бьет его палкой.

М: Но ведь наставник не дал Линь-цзи уйти из монастыря, когда тот принял такое решение.

А: Ну, как «не дал»? Ему никто не препятствовал. Старший монах посоветовал сходить и попрощаться с наставником. Пойти и попрощаться, после того, как тебя три раза ударили палкой...

В: ...тут немалая кротость нужна.

А: Другой бы не пошел. И я уверен – среди монахов было немало тех, кто не мог так смириться. И они уходили, кляня себя и все на свете за то, что связались с этим дурацким чань, а заодно и всех этих поголовно сумасшедших чаньских

---

⁷ См. Часть II. История одного просветления

монахов. В Китае такое мнение бытовало и было очень распространенным. А поскольку душевнобольных среди монахов действительно было немало – люди просто не выдерживали суровости методов обучения – то это мнение подпитывалось реальными фактами.

Д: А где же грань между кротостью и мазохизмом? Как ее определить?

А: Интересный вопрос. Я думаю, что если чаньский наставник видел перед собой человека, склонного именно к мазохизму, то, будучи просветленным, он к нему таких методов не применял. В чань к разным людям применялись разные методы обучения. Например, отрицание интеллекта, преуменьшение его значения, пренебрежение им встречалось только в определенных случаях – например, при работе с очень образованными и высокоинтеллектуальными людьми, которым привычка к концептуализации мешала. Во всех остальных случаях развитие интеллекта никак не пресекалось, а наоборот, поощрялось. С другой стороны, если кто-либо из наставников применял суровые методы без всякого основания, он считался лже-наставником. Есть притча про Наньцюаня, когда он пришел к такому лже-наставнику, у которого было пятьсот монахов в учениках. Наньцюань хотел его испытать, так как прослышал о его необычайной суровости. Он быстро подошел к нему и крикнул «Кхэ!»* Наставник же растерялся и не смог ответить. Тем самым он проявил себя как лже-наставник, ибо оказалось, что он не справился

с теми требованиями, которые предъявлял своим ученикам. И в тот же день все пятьсот учеников его покинули.

Забегая немного вперед, все же скажу, что разница между кроткими и мазохистами заключается в том, что мазохисты при кажущемся смирении продолжают оставаться эгоцентрично сосредоточенными на себе, а вот кроткие...

Кто же такие кроткие и почему именно они наследуют землю? Давайте для начала поставим вопрос так: почему именно землю? Ответ на вопрос находим немного дальше: глава 6, стих 9—10: *«Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе»*. «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» – что эти слова означают?

Итак, первое: «да придет Царствие Твое». Значит, Царствие Твое идет. Оно уже в пути. Оно идет и «да придет». Но оно *уже* в пути. Куда и как оно идет и откуда оно идет?

«Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Значит, воля Господа на небе абсолютна, ибо небо – Его дом. Небо в метафизическом смысле – мир горний, мир духовный – полностью пронизано Божьей волей. А на земле что с волей Божьей происходит?

Д: Грешные мы. Не хотим мы эту волю принять и всяко ее коверкаем.

А: Да. Вот идет это Царствие, и оно встречает препоны.

У: Что про нас говорить, когда сам Христос в какой-то момент в Гефсиманском саду...

А: «...да минует Меня чаша сия» (Мф. 26.39). Был какой-то краткий миг, и то неизвестно, колебание это было или что-то другое. Может быть, Он желал, чтобы эта чаша Его миновала по какой-то более высокой причине. А ведь эта чаша, испитая Христом, означала не только то, что Он выполняет свою миссию и спасает человечество, но и то, что иудеи отпадают от Божьей воли, нарушают ее. Он же искупает нарушение Божьей воли предаванием себя на крест.

М: Берет на себя человеческие грехи.

А: Да. Считается, что Христос, отдав себя на распятие, искупил все человеческие грехи, природу человеческую в принципе. Вы не задумывались над тем, какой в этом заключен гигантский парадокс? Как же Он ее искупил, если Он – нельзя, конечно, сказать, что спровоцировал, но... ну, да, наверное, по сути так и есть... – спровоцировал такую мощную волну самой низкой страсти в толпе – страсти к убийству; если своим присутствием, своей фигурой Он вызвал в иудеях жажду несправедного убийства праведного человека; если благодаря тому, что на землю пришел человек такой величайшей святости, духовности (Сын Божий!), иудеи отдали на крест, на крестные муки человека непостижимой высоты духа, невиданной чистоты, какого раньше и не было на земле? А стало быть, и греха такого раньше они на душу взять не могли. *«Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем».* (Иоан. 15.22) А ведь чем более свято существо, которое мы

обижаем, а тем более хотим его смерти, тем больший грех мы совершаем – это положение одинаково для всех религий. В ад попадает тот, кто только *захотел* причинить вред Бодхисаттве*.

Д: Это не Его забота.

А: А каким образом Он грехи искупил? Что значит: «не Его забота»?

Д: Каждый о своей душе сам должен думать.

А: Но Он пришел, чтобы спасти в том числе и их души. Каким образом Христос, отдав себя на распятие, искупил грехи *всего* человечества. Подчеркиваю – *всего*.

Д: Уже совершенные?

А: И те которые будут совершаться. Человечества как вида биологического, как *homo sapiens*.

Д: Отдав одного себя?

А: Да. Отдав одного себя. Представляете?

М: Грешные люди после смерти попадают в ад, и у них как при этой жизни, так и после смерти нет возможности очиститься от своих грехов то есть перейти в Царство Божие. Ты сказал, что люди не могут это сделать потому что если не происходит полнейшей капитуляции, они остаются в вечных кругах ада⁸. Он показал, что есть возможность обрести Царство Божие и для тех, кто жив, и для тех, кто умер.

А: Да, все это практически верно. Почему Христос спас мир, взойдя на крест? Что произошло с метафизической точ-

---

⁸ О происхождении слова «ад»: от санскр. *адия* – «пожираемый».

ки зрения? А произошло вот что. До появления Христа на земле метафизическая ситуация была следующая: Господь и высшие силы духовные были где-то *там* (в иудаизме и сейчас так), а люди – стадо человеческое – были здесь, погрязшие в грехах, и ничто их из этого мрака вытащить было не в состоянии. До Христа Господь использовал все средства: приходили мессии, пророки, передавали волю Божию. Господь всячески объяснял и обосновывал свою волю: где словом, где чудом, где карой, где манной небесной, где огнем, сходящим с небес и пополающим нечистоту, где волнами, расходящимися и пропускающими племя иудейское, бегущее из Египта. Вот требовали евреи чудес от Христа – почему же Он их не показывал? Да потому что было показано сверх всякой меры! Ничто не сработало. На какое-то время – а-ах! – а потом опять все возвращалось в тот же мрак, ничтожество и убожество.

Д: Когда Бог где-то *там*, это чистый материализм получается.

А: Да. В этом смысле иудаизм глубоко материалистичен в своей основе. Ты правильно разгадала его суть, Даша. И что дальше? Получается такая картина: Господь испробовал все средства, но народ настолько погряз в своей низости, что его оттуда не было никакой возможности вытащить. Оставался один-единственный способ. Какой? Каким Он уже однажды поступил с Содомом и Гоморрой. Помните разговор Господа с Авраамом? Когда Господь говорит, что хочет уничтожить

город, в котором собрались одни грешники.

И подошел Авраам, и сказал: неужели ты погубишь праведного с нечестивым?

Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем?...

Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие....

Авраам продолжал говорить с Ним, и сказал: может быть, найдется там сорок. Он сказал: не сделаю того и ради сорока....

И сказал Авраам: ... может быть, найдется там тридцать. Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать.

Авраам сказал: ... может быть, найдется там двадцать? Он сказал: не истреблю ради двадцати.

Авраам сказал: ... может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти. (Быт. 18.24–32)

Вот как интересно получается. Без человека так хорошо было бы на планете. Жила бы себе планета, шумели бы леса, зверья было бы навалом, вода была бы чистейшая, я уж не говорю про воздух. И ради чего нас Господь терпит? Чтобы мы все испоганили? Чтобы развели всюду гнусность и мерзость, наблюдаемые повсеместно, куда только ни бросишь взгляд? Конечно, ради этого Он нас терпеть бы точно не стал.

Значит, было сделано, сотворено что-то очень большое, ради чего высшие силы согласились нас терпеть вместе со всей нашей низостью и ее последствиями. Так чем же было это «что-то»? А было оно величайшей тайной воплощения Бога в человека, величайшим таинством Вселенной, когда-либо происходившим в этом мире. Сам Бог взял и воплотился в человека. Если однажды вам откроется подлинный смысл этих слов, у вас мурашки по коже побегут.

Что произошло после того, как Дух Святой снизошел на Деву Марию? Без понимания уникальности этого события, его беспрецедентности нам невозможно будет понять христианскую культуру в принципе. Когда Бог Святой Дух в виде голубя снизошел на Марию и она от него зачала и понесла, то произошло следующее: не просто некая душа воплотилась в чреве женщины – а прямо из глубин, из самых недр Космоса (того Космоса, который из века в век противостоял всей грязи, всей пошлости – всему, что человек отрицал в себе и в других, и тем самым отторгал Господа, отделяя себя от Света), из этого самого Света вышел луч и спустился прямо в чрево простой смертной женщины и внутри ее чрева начал свой путь: начал развиваться и потом родился ребенок. Это очень глубокий символ, часто изображаемый на иконах. И когда Он родился, то Он родился в той идеальной чистоте, в какой Господь хотел бы видеть всех людей. Мотивы подражания Христу, следования Христу очень распространены в христианстве именно по этой причине.

Но что потом произошло с этой чистотой? Она естественным образом вступила в конфликт с грязью. Впрочем, по сути все как раз наоборот: грязь вступила с чистотой в конфликт, потому что не могла ее вынести, потому что эта первоизданная чистота самым фактом своего присутствия среди людей уже ее обличала. Если вдуматься, это и есть главная причина, по которой иудеи предали Христа на распятие: грязь, разлившаяся среди человеков и прочно утвердившаяся в них, не желала терпеть рядом с собой такую чистоту, которая обличала ее самым фактом своего существования. Есть авторы, которые утверждают, что нетерпимость иудеев к Христу сохранилась до сегодняшнего дня.

У: А в чем суть-то этой ненависти?

А: Ее очень трудно понять. Она носит иррациональный характер. Ортодоксальные иудеи говорят, что Христос – сын проститутки и римского legionera, говорят еще что-то в этом роде, но все это пошло, грязно и неубедительно...

Д: Это политика.

А: Да, это чистая политика. Но вернемся к нашему размышлению. Итак, появляется человек, который учит Истине, глаголет Истину, ведет себя, как настоящий чаньский наставник. Я читал, о том, что чаньские наставники очень любят Новый Завет. Им нравятся деяния Христа, они говорят, что это настоящие чаньские деяния, что Христос был просветленным, что Он обладал всеми качествами чаньского наставника. Зарождение христианства – это первый век нашей

эры, а чань оформился в начале шестого. Это к вопросу о том, кто кого опережал – Запад Восток или Восток Запад.

Д: Наверное, не случайно Он и появился среди иудеев, потому что там было хуже, чем где-либо?

А: Я так не думаю. Были разные места.

Д: Получается, что до Христа все высшие, да и низшие, силы были снаружи, и у язычников...?

А: Все-таки я бы был более осторожен и говорил о течении иудейской религии.

Д: А как было у язычников?

А: А кто такие язычники, Даша? Язычники настолько отличаются друг от друга, и боги у них такие разные.

Д: Саш, но чтобы поместить Господа внутрь себя, требуется все-таки определенный уровень.

А: Даша, ты не совсем правильно понимаешь мои слова. Это не рассказ о том, что в принципе происходило на земле. Речь идет о восприятии происходившего с точки зрения христианской культуры.

Д: Как же ее можно рассматривать в отрыве от остального?

А: Сначала ее надо рассмотреть в ее целостности. А чтобы это сделать, необходимо рассмотреть ее именно в отрыве, то есть отдельно. И лишь потом, когда этот этап будет пройден, мы сможем рассмотреть ее не в отрыве. Это диалектика: хочешь какую-то мысль сопоставить с другой мыслью, сначала проследи ее полное логическое развитие и только потом

диалектически сочетай ее с другой мыслью.

Итак, свет столкнулся с тьмою. Грязь столкнулась с чистотой. И оказалось, что грязь гораздо более нетерпима к чистоте, чем чистота к грязи. Оказалось, что не чистота грязи не выносит, как нам всегда внушали, а наоборот – грязь не терпит чистоту. А чистота грязь очень даже терпит: в силу своей кротости, в силу того, что она знает о своей первичности – статусе более высоком по определению, онтологически, сущностно, от Бога. Это грязи надо что-то доказывать, а чистоте ничего не нужно доказывать. По крайней мере, для себя.

И вот грязь решила с чистотой расправиться. Просто чтобы убрать беспокоящий фактор. И все грязь рассчитала правильно, все сделала правильно. Все, кроме одного: она позабыла о самом главном, о самом важном. Она забыла о том, что в фигуре, против которой она ополчилась, – фигуре Христа – Божественное и человеческое слились нераздельно, заключив между собой Завет на веки вечные. Что получилось благодаря этому? Обратите внимание: именно здесь находится вся суть, весь корень христианства. Как свет и чистота «переиграли» тьму и грязь с помощью заключения Завета? Когда Завет уже был заключен, стало совершенно неважно, что будет с фигурой Христа – расправятся с ним или нет... Существовал ли такой вариант развития событий в реальности, в котором Христа миновала бы чаша распятия? Если да, то что бы было в этом случае? Не знаю. История не знает

сослагательных наклонений. Стало ли бы христианство мировой религией, если бы Христа не распяли и Он дожил бы до преклонных лет? Думаю, что стало бы.

У: Даже без Воскресения?

А: Неизвестно, что было бы потом.

Д: Христианство уже пробивалось. В Древнем Египте...

А: Что там Древний Египет... В самом иудаизме христианства очень много. Любой иудей, взглянув на христианские заповеди, найдет в них много общего со своими взглядами. Да и христианин, столкнувшись с иудейской мыслью, скорее всего не отличит ее от христианской (если только оба заранее не будут знать о ее источнике). Одно выходило из другого. На этот счет есть много исследований. Но я сейчас излагаю главную мифологемную концепцию христианства: то, что оно вообще сделало в сознании людей, что оно принесло в языческую ойкумену, когда уже сложились Евангелия и когда христианская мысль начала подбирать под себя все нехристианское, что было вокруг.

Так вот: что произошло в результате слияния человеческого и Божественного начал в фигуре Христа? Произошло следующее. Теперь тьма, разлитая и укоренившаяся в людях – тупость, жадность, ненависть, страх – все то, что противостояло Божественному – в своих попытках противостоять Божественности Христа, не могла не противостоять также Его земному началу, ведь Он был Сын Человеческий. А противостоя его человечности, она никак не могла не проти-

востоять его Божественности, ведь Он был также и Сыном Божиим. В этом факте и заключено главное средство, с помощью которого была достигнута цель. Какая? Искупление Христом человеческих грехов актом своего распятия. Тьма не потерпела света, она решила его исторгнуть из себя, но в этом страстном и нетерпеливом желании она как-то не успела сообразить, чем это для нее чревато. Есть даже апокрифы, где об этом говорится: например, о брани между адом и дьяволом по этому поводу, где ад обвиняет дьявола⁹. Что же наделал дьявол? А вот что: исторгнув Божественный свет из среды человеческой руками иудеев, он, не учтя того, что этот свет уже был полностью соединен с человеческой природой в фигуре Христа, сделал конфликт между людьми именно конфликтом внутри человеков. Это перестало быть конфликтом между человеческим стадом, с одной стороны, и Божественным светом, с другой. Получилось так, что плохие люди взяли и сделали плохо хорошему человеку. Но — что важно: они сделали плохо именно *человеку*. И Он именно своим человеческим началом пострадал на кресте, принял это зло на себя.

Господь, сидящий на небесах, на престоле, никак не может пострадать от того, что люди натворили там, внизу. Он может на них прогневаться, наказать их, как следует, но пострадать сам лично Он не может. По крайней мере, в человеческом понимании этого слова. Иное дело, когда Господь

---

⁹ Евангелие от Никодима.

становится человеком. Когда читаешь Евангелие, складывается удивительное ощущение: как будто какой-то космический посланец пришел сюда, который человеком по своей природе, по своей сути не является, но Он пришел из космоса именно как посланник, и здесь, обретаясь среди людей, Он смог их полюбить. Господь уже не просто требовал от людей послушания, Он их именно *полюбил*. Полюбил через свое воплощение во Христе. Итак, самое главное в том, что произошло – это предание Христа на распятие в Его человеческом облике, в Его человеческом теле. Чем было предание Христа на казнь? В этом акте сконцентрировалось все зло. В Евангелии это хорошо отражено в едином порыве иудеев: *«И отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших»* (Мф. 27.25). Эти строки были главным аргументом, на который опирались церкви – раньше католическая, теперь только православная, – называя иудеев хриstopродавцами и противопоставляя тем самым иудаизм христианству. Все темное, что в исступленном сатанинском экстазе выплеснуло свою ненависть на Христа, ополчилось не на некий абстрактный свет, не на изображение Господа, не на Заветы Его, а именно на конкретного человека, которого они захотели распять; и поскольку все это происходило внутри человечества, то один из людей (вот что сотворило соединение человеческого и Божественного!) – не Бог, а *один из людей* – взял на себя грехи всех остальных. И теперь если Господь – представим себе – захочет человечество наказать за все

непотребства, стерев его с лица земли, то Христос встанет и скажет: «Как же так, Отче наш? Один же человек был, который сохранил эту чистоту и все на себя принял!»

Д: Так ведь Господь не меньше, чем ради десяти готов был простить...

А: Ты соотноси количество с качеством. Христос, я думаю, один не меньше сотни праведников стоил, а Авраам свой обратный отсчет только с пятидесяти начал.

Д: Так ведь это сам Бог и был? Сам Бог воплотился и искупил.

А: Да, воплотился и искупил всю нашу глупость, темноту и невежество, всю нашу глубокую бессознательность.

Д: А что мы тогда, если мы не есть Бог?

А: Здесь надо человечество рассматривать как некое единое целое. Что значит – «что мы тогда, если не Бог»?

Д: Ведь все, что Бог создал, это Он и есть.

А: Ну, нет. Как это: «Все, что Бог создал, это Он и есть»? Бог и Люцифера создал.

Д: Значит, и он Его часть.

А: Нет, все-таки Бог не часть Люцифера.

Д: Нет, наоборот.

А: Ну, если наоборот, то может быть. Только, видишь ли, это та часть, которая в своем свободном волеизъявлении от чести быть Его частью отпала, захотела быть чем-то самостоятельным.

Д: Но у нее же это не получилось?

А: Считаю, что получилось. Не быть Его частью ему, конечно, не удалось. Но у него получилось другое: он был одной Его частью, а стал совсем другой. И вовсе не той, какой он рассчитывал стать.

Д: Значит, нет никакой свободы у него?

А: Не стало. Была, да сплыла. Давайте продолжим. Что получилось? Христос не просто обличил тьму, рассеянную в человеках; самый главный дар, на который было направлено снисхождение Духа Святого, и самое важное, что Он сделал (Христос по большей части воевал ведь не с людьми), было направлено на нижние слои мироздания. Он, если можно так выразиться, их «переиграл». И вся Его земная жизнь была посвящена по большому счету именно этому. Как Он это сделал? Благодаря соединению Божественного и человеческого начал Христос смог попасть туда, куда до этого Господь проникнуть не мог. Это очень интересный момент. Есть такая фраза: «Бог не ведает зла». Слово «не ведает» здесь не означает, что Он ничего о нем не знает.

В: Не причастен?

А: Да, не причастен. Зло от Него не исходит.

Д: Вот ты сказал, что Христос попал туда, куда Бог не мог проникнуть. Но как Бог не мог куда-то проникнуть, если Им проникнуто все, Саш? Я ничего не понимаю.

А: Он пронизывает все, а вот Им проникнуто далеко не все.

Д: Почему же Он не может куда-то проникнуть, если Он

пронизывает все?

А: Брахма пребывает во всем, но не все пребывает в Брахме. У человека, который хочет покончить жизнь самоубийством, мысли чернее ночи. А где Господь, там свет, ясность и понимание. Почему Он не проникнет в мысли этого человека? Почему дает ему возможность совершить тяжкий грех?

Д: Он уже наделил его свободой воли.

А: И...? Вмешиваться Он уже не может.

Д: Сам себя ограничил. Получается, Господь намного честнее, чем все мы. Мы дали слово – взяли. А Он свое обратно не берет.

А: Господь, будучи светом, не имел права вторгнуться в то царство тьмы, которое суммой своих свободных, но отвернувшихся от Него волей создали те или иные существа, (потому что ими могут быть не только люди, но и духи) – царство, называемое адом, или преисподней. Оно было создано как тьма, которая есть свободно изъявленное отрицание света, и поэтому свету туда проникать было нельзя – именно по этому принципу свободы воли. Эта тьма не была чем-то пассивным, как, например, физическая тьма (вы стоите в комнате – темно, нет света; внесешь фонарик – будет свет): она стала началом духовно активным. Ад, преисподняя стремились завлечь в себя как можно больше душ. И именно против этой активности трансцендентного по отношению к человеческому миру, именно против нее был направлен по большому счету приход Христа на землю. Хотя Он воплотился

на земле, ходил по земле и имел плоть человека, на самом деле Он воевал в других мирах и с другими мирами – более могущественными, чем жалкий синодик с его жалкими первосвященниками.

Д: Они очень подпитывали нижние миры.

А: Это нижние миры их подпитывали, Даша, а не наоборот. Они были просто пешками, марионетками в большой игре.

Д: Но они же дали свое свободное согласие на это?

А: Насчет свободного согласия – вопрос очень сложный и неоднозначный.

Д: Но у каждого есть выбор.

А: Да. Но не каждый его замечает. Это как с плачем. Блаженны плачущие, ибо обретут надежду, да? И вот приходит этот миг надежды, а кто о нем знает? И мы отказываемся от него, даже не осознав, не заметив, что мы от него отрекаемся. Я могу сказать, что в моей душе, на моей совести таких самоотречений очень много. Еще больше их было в детстве. Пик – это шестой-седьмой-восьмой класс. Вот умри я тогда – попал бы в ад без разговоров. И там бы очень долго оставался. Но каждый раз я отрекался, находясь во тьме тотального невежества.

Д: Ну так свободный ли это был выбор, Саша?

А: Это к вопросу о карме*.

Д: Во тьме тотального невежества – значит автоматически.

А: Да. И в то же время в силу неосознанности этих отречений у меня – каким бы испорченным, каким бы безнадежным материалистом я ни был на момент выхода из созданного моей предыдущей кармой хаоса – тем не менее, оставалась возможность выбраться из этой пучины без того глубочайшего покаяния, которое переворачивает душу, просто за счет духовной внутренней работы. И родители, и ребенок создают этот общий невроз – а он *общий* и для родителей, и для детей (и поэтому его иначе называют родовой кармой), и потом каждый из них должен как-то из него выбираться. Родителям как передающему каналу выбраться из этого невроза будет несравненно тяжелее, чем ребенку, потому что ребенок – жертва. Ему, будучи жертвой, достаточно просто осознать, что происходило. А от родителя требуется пройти через процедуру глубокого покаяния, которую ребенку проходить не нужно.

Д: Смирение гордыни родителя...

А: Поэтому относитесь к своим родителям снисходительно и сострадательно. Им намного тяжелее, чем вам как ребенку своих родителей.

Итак, ад хотел, чтобы каждый человек попал после смерти туда. И у него была возможность это сделать, искусно используя человеческие бессознательность, невежество, страсти и прочее; и он, в алчном исступлении потеряв уже всякий рассудок, жадно сгребал в себя все, что умирало на земле. И все праведники томились там, за исключением нескольких

человек.

Дальше происходит следующее: Христос, будучи человеком, спускается после смерти в ад вслед за всеми остальными людьми. Вот здесь самый большой просчет инфернальных сил и обнаружился. Само по себе Божественное начало в ад спуститься никак не могло. Человеческое начало, спускающееся в ад, было ему не страшно, а вот Божественное начало, прикрепленное к человеческому... Понимаете? Не пропустить-то нельзя...

М: Это же просто диверсия получилась!

А: Вот так Он туда и прошел через смерть на кресте. Не меняя, казалось бы, правил игры... С человеческой точки зрения одно восприятие: Он предал себя на распятие. Произошел акт капитуляции, и вследствие величайшей глубины и чистоты этой капитуляции Воскресение произошло не только на психологическом уровне, как у обычных людей, но даже и на физическом, по герметическому принципу¹⁰: чем дальше вверх, тем глубже вниз. А если посмотреть с точки зрения трансцендентных сил, то картина получается совсем другая.

В: И что произошло, когда Он спустился в ад?

М: Троянский конь!

А: Врата адовы взломал (есть целая серия икон на эту тему

---

¹⁰ «То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу». (Цит. по: В. Л. Рабинович. Образ мира в зеркале алхимии. Энергоиздат, М., 1981, с.127).

– см. рис. 12) и всех выпустил.

Д, В: Он всех выпустил или только праведников?

А: У кого грехи были тяжкие, тех не выпустил, хотя... В рассказе Кондратьева «Пирифой»¹¹ главный герой со своим другом пошли похитить Персефону у Аида, да там и остались. И дальше описывается изнутри, как приходит Христос, взламывает врата, и опустошает ад фундаментально.

Д: Немало, значит, там томилось хороших людей.

А: У древних греков потустороннее пребывание описывается как достаточно безрадостное. Там были Елисейские острова для очень избранного и узкого круга героев, куда попадали считанные единицы за всю историю Эллады – двух рук хватит, чтобы перечислить всех по пальцам, а все остальные (Тезеи, Энеи, Одиссеи) томились в Аиде.

Д: Описание Аида очень напоминает описание бардо*.

А: И даже не бардо, а скорее астрала, где обитают эго-скорлупки людей, когда их души уже давным-давно воплотились. Надо сказать, что у древних греков идея метемпсихоза, переселения душ, была очень развита. Ее проповедовал в том числе и Пифагор. Теперь стало яснее, почему Христос своим распятием искупил все человеческие грехи?

Д: Теперь – да.

А: Священнослужители этого почему-то не разъясняют, и откровенно говоря, я так и не смог найти этому объяснение.

Подведем итог.

---

¹¹ А. Кондратьев «Сны». Северо-запад, Санкт-Петербург 1993.

Да будет воля Твоя на земле, как на небе (Мф. 6.10).

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю (Мф. 5.5).

Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты (Мф.26.38–39).

Вот это *не как Я, но как Ты*. Именно это «как Ты» и есть победа и преобладание воли Божественной над волей человеческой в самом человеке и с его добровольного согласия, это и есть не что иное, как кротость в своей сути, в самой своей основе. Кроткие наследуют землю не в каком-то иудаистско-материалистическом смысле, а именно потому, что воля Господня с пришествием Царствия сюда станет такой же непоколебимой, какой она является на небе. *«Да будет воля Твоя на земле, как на небе»*, да приидет, да снизойдет оттуда Царствие Твое сюда и воплотится здесь в виде соединения Божественной и человеческой воли в результате окончательной победы Божественной воли над человеческой, эговой. И когда эта победа произойдет, то Царство Небесное придет и на землю. Тогда кроткие эту землю и наследуют. Отдав себя на распятие, Христос явил нам образец кротости, одновременно с этим дав ключ к пониманию ее природы. Кроткие – это не просто «те, которые совершенно не гnevаются», как у Феофилакта, кроткие – это те, кто, подобно Христу, ставят

волю Бога Отца превыше своей, тем самым служа проводниками прихода Царствия Небесного на землю. Стало быть, унаследуют они не нынешнюю, погрязшую в грехе землю, а ту, будущую, на которую через них же Царство Божие и придет.

У: Да... Как красиво, глубоко и завершено в своей сути...

А: Не могу не согласиться. Но, конечно, главное открытие, которое следует из понимания кротости как «упования на волю Божию», – это отношение к ней, кротости, как к важнейшему элементу внутренней алхимии христианского *«внутреннего делания»*. В таком случае кротость – это готовность стать «сосудом для воли Божией», борьба и преодоление с помощью этой кротости своей земной, эговой воли и, в конечном счете, – преображение себя в жителя Царствия Небесного, а через это – его снисхождение на преображенную внутренним преображением человека Землю, что тем самым отсылает нас к грядущим постапокалиптическим судьбам мира и конечному торжеству Царства Божия на Земле. Видите, как много следует из простой, казалось бы, фразы: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю»? И кроткие оказались вовсе не так уж просты, и земля, ими унаследованная, – вовсе не наша нынешняя грешная земля.

А: Знаете, какая наша основная проблема как христиан?

Почему мы так часто обращаемся к Востоку? Причина во многом заключается в том, что христианские истины повторялись слишком часто и бездумно, они затерлись и превратились в набор банальностей. Они давно перестали быть тем, чем должны быть по определению. Помните, как переводится слово «Евангелие»?

Д: Благая весть.

А: Они перестали быть откровением. Сейчас нам даже трудно представить, какое потрясающее, прямо-таки ошарашивающее впечатление производили евангельские слова в их первозданной свежести, не будучи покрытыми вековой пылью, как сейчас. Увы, те времена, когда Евангелие Благой вестью входило прямо в сердца слушателей, давно миновали. Чтобы убедиться в этом, достаточно войти в церковь в тот момент службы, когда там зачитывают эти самые «Блаженства»: и голос чтеца, как правило, заунывно-равнодушный, и у прихожан, пришедших на службу, вид по большей части неподдельно скучающий, как будто читают не Евангелие, а материалы XXV съезда КПСС.

Д: Мне иногда кажется, что церковь живет сама по себе, а христианство как учение – это что-то отдельное.

А: Это вовсе не означает, что церковь не делала ничего хорошего на протяжении всей истории. Ее заслуг не надо умалять, они неоспоримы. Ее роль в истории нашего отечества, формировании государства и национальной идеи, ее в высшей степени благотворное влияние на умы и нравственность

русского общества трудно переоценить. Но это не означает, что проблем нет. Более того, во многом они осознавались и внутри тела церкви. Среди православных старцев есть такие пророчества – в XVIII веке они были особенно сильны – что церковь последних дней уйдет в крипту, станет тайной организацией единичных верующих, как это было в Советском Союзе, а официальная церковь полностью будет прибежищем сатаны. Конечно, надо смиряться, но и лгать себе тоже будет неправильно.

В буддизме все как-то здоровее. Там все очень конкретно: если человек является ламой, он должен не только проводить религиозные обряды, но и передавать духовные практики, и делать это так, чтобы люди росли, преодолевали свои духовные недуги, первый и главный среди которых – материалистическое восприятие мира.

6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Д: Здесь речь идет о том, что по-настоящему могут насытиться только те, кто жаждет именно правды, а не чего-то другого, потому что любая жажда здешняя, земная, материальная у людей никогда не утоляется. Нельзя наесться впрок, нельзя напиться впрок, нельзя заpastись богатством, потому что чем богаче человек, тем больше ему хочется. Любая материальная жажда неутолима. Она бесконечна, как пропасть

– требует, требует и требует.

А: А правдой можно насытиться, да?

Д: Истина, когда она постигается до конца... Человек попадает в такое состояние, когда у него эта жажда в конце концов исчерпывается. Он насыщается изнутри – не как в бездонную пропасть, и в этом наполненном состоянии остается. Он приходит к блаженству наполненности.

М: Мне кажется, еще очень важно, *что* понимается под правдой, какое состояние. Даша определила процесс. Но какую правду ищет этот человек, в чем она заключается? Часто за искомой правдой скрывается лицемерие, желание выделиться перед другими. Тогда это ложь. В искренних поисках правды открывается истинное «я» человека, он возвращается к самому себе, и если он в это состояние попадает, если достигает его, то он этой правдой насыщается.

У: Мне кажется, что здесь важны слова «алчущие и жаждущие». Это должен быть постоянный труд души.

А: Алкание и жажда – это труд души или нет?

Д: Стремление...

М: Внутренняя потребность...

В: Меня как-то сбивает слово «правда» здесь, мне всегда казалось, что не «правда», а «истина».

А: Это же перевод, причем двойной: с древнееврейского на греческий и с греческого на русский. Говорят, что Евангелие на арамейском языке очень отличается от того, что мы имеем возможность прочесть. Там сплошная игра слов

и смыслов. Иисус говорил афористично, как и Чжуан-Цзы¹². Итак...

Д: Я думаю, мы еще находимся в состоянии алчущих и жаждущих.

А: Сильно алкаешь?

Д: Саша, я понимаю, о чем ты говоришь. Наши рассуждения слишком теоретические. В этой жажде, в этом алкании должно быть какое-то сильное чувство. Это не просто беспокойство. Вернее, это беспокойство не должно быть невротическим. Здесь что-то другое. Здесь должна быть боль от ощущения отделенности от самого себя.

А: От правды.

Д: Да, да... Должна быть какая-то устремленность, совершенно неумолимая, но она не должна быть ни страстной, ни беспокойной, ни невротической, она должна быть какой-то другой.

А: Что нужно, чтобы понять, какой она должна быть? Как это сделать? Как к этому приступить? Нужно понять, откуда взялась эта жажда алкания, из чего. Кто они такие, эти «алчущие и жаждущие правды»? Что переживают эти люди? Какой характер носит эта жажда? Ты в начале правильно сказала, что она не похожа на жажду материальных благ. Это хорошо, но этого мало. Хотите глубоко вникнуть – беритесь за самый корень.

М: Надо понять, кто такие алчущие правды.

---

¹² См. Часть II

А: Самое главное в этих словах (ради чего они и были сказаны) – это мысль о том, как *трудно* в этом мире найти правду. Именно в этом суть и сердцевина этих слов.

У: Как ты это выводешь? От противного? К тому, чего легко достичь, не прилагается такая степень жажды?

А: Как-то ты, Уля, очень витиевато высказываешься.

У: Потому что я не вижу, откуда это идет, откуда ты это берешь?

А: Откровенно говоря, я это взял не из слов Христа, а из жизни. Но ты, Рита, поспешила рассмеяться, потому что из Его слов это тоже следует. Каким образом? А вот каким. На что ты готова ради правды, а, Рита? Есть ли в тебе жажда такой правды, ради которой ты что-то готова отдать?

М: Думаю, это есть в каждом человеке, Саш.

А: Поделишься? Какую правду ты хотела бы узнать и найти?

М: Может быть, я хотела бы, чтобы это состояние возвращения к себе, единства с собой стало для меня не секундным, не просто прикосновением к некому пережитому опыту, а чем-то постоянным. Ради этого можно было бы отдать многое. Опыт говорит, что это возможно, но для этого действительно, надо сделать очень много.

А: А ты знаешь, что для этого нужно сделать?

М: Может быть, не все, но какие-то первые шаги, наверное, знаю.

А: Я тебе расскажу. Так почему же правду найти трудно,

и откуда я это взял? Разве для вас это новость, что правду трудно разыскать?

М: Если говорить о жизни, то это не новость, но как это вытекает из данного высказывания?

А: Во-первых, из глаголов.

Д: «Алкать» и «жаждать»?

А: Да. Что означают эти глаголы? Вы как филологи не дадите мне соврать.

Д: Не дадим.

А: Они означают очень сильное желание чего-то, очень сильную жажду. А чего можно хотеть очень сильно?

Д: Чего-то, чего хочется, несмотря ни на что.

А: Может ли что-то легкодоступное вызвать такое сильное желание?

Д: Наверное, нет. Так мы что разбираем – жизненный опыт или Евангелие?

А: Даша, Евангелие без опоры на жизненный опыт разбирали столько раз, что этими книгами доверху завалены все библиотеки. Да и в описаниях жизненного опыта недостатка нет. Что мы разбираем – священный текст или жизненный опыт? Мне нравится парадигма, которую ты предлагаешь. Давайте посмотрим на логику всех разбираемых нами высказываний: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Где «нищие духом» и где – «Царство Небесное»? Это же сплошной чаньский парадокс. Сравните: «Буд-

да есть палочка для подтирки»¹³. Вы можете себе это представить? Здесь мы везде наталкиваемся на парадоксы. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Плачущий – это тот, кто убит горем и, значит, безутешен. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Как же так? Землю, по логике, должны наследовать наглые, бойкие, те, у кого локти покрепче, кто всех остальных может вытеснить* и своим потомством заселить землю – они, а не кроткие. Везде, в каждой фразе есть такой парадокс. Более того, текст составлен именно так, что этот парадокс и является сутью, зерном каждого высказывания. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Где здесь парадокс? Первый уровень смысла заключен в том, что алчущие и жаждущие правды алчут и жаждут того, чего очень трудно добиться. Но истинный смысл этого высказывания находится дальше и глубже. Где и в чем? Вам непонятно, куда двигаться? Смотрите панорамно, смотрите на алчущих и жаждущих правды. Задайтесь следующим вопросом: много ли людей, которые говорят, что они хотят знать правду?

В: Тех, которые говорят, много.

А: Вот ты, Вероника, все правильно поняла. Тогда продолжи мою мысль, пожалуйста.

В: А тех, кто на самом деле ищет, очень мало.

---

¹³ Один монах спросил Юньмэня: «Что такое Будда?» Юньмэнь ответил: «Палочка с засохшим дерьмом» (Умэнь. Застава без ворот. Цит. по: «Афоризмы старого Китая» М. «Издательство Астрель» «Издательство АСТ» 2004. Перев. В. В. Малявин.

А: Или тех, кто хочет знать. Человек может правду искать или делать вид, что ищет. Здесь самый интересный момент. Это похоже на «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Если человек плачет искренне, и его это к этому не подключает, то он не пропустит заветную паузу с последующим переходом в тишину. Нечто похожее заключено и в «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». В этой фразе акцент стоит на слове, которого в тексте нет. Не знаю, как в оригинале, но по смыслу акцент должен стоять на слове «воистину».

У: Я хотела сказать «действительно». «Блаженны *воистину* алчущие и жаждущие правды» или *действительно*, потому что слово «воистину» можно понять двояко. Как «Во истину воскрес»: и «на самом деле» воскрес, и во истину, «за истину» воскрес.

М: Да... Многие говорят, но искания там нет.

А: Ты знаешь, бывает такое, что и искание есть. Я вам могу сказать, исходя из своего опыта, что бывает. Эта фраза мне близка как никому – просто в силу моей профессии. Ко мне приходят люди, которые хотят узнать какую-то правду.

В: А когда слышат ее – отворачиваются.

А: И не слышат еще. Когда к ней только приближаются...

М: Саш, смотри: когда они приходят, они ведь *хотят знать*, а потом они выбирают *не* знать. Их свободный выбор направляет их в другую сторону. И дальше они уже *не* хотят.

А: Да. А что это за выбор?

Д: Если бы они лукавили сразу, они бы к тебе и не пришли.

А: Вот тут ты ошибаешься, Даша.

Д: А какой смысл делать вид, что ты хочешь правды?

А: Поза правдолюбца бывает крайне выгодна психологически. И потом ведь человек, не знает, приходя сюда, что он получит здесь ту правду, которая может ему не понравиться.

М: Саш, тогда он не ищет правды. Тогда он пытается играть в правдолюбца – это совсем другой процесс.

Д: И про него нельзя сказать, что он «жаждет» и «алчет». Ведь «жаждет» и «алчет» только тот, кто искренне это делает.

А: В этом процессе есть свои тонкости. И нам нужно привести их в наши рассуждения. То, что вы сейчас говорите, очень рассудочно. Я даже теряюсь, не знаю, как с этим быть.

М: Саш, мне кажется, что слова «алчущие и жаждущие» и подразумевают «воистину». Я только это хотела заметить.

А: Слово «воистину», действительно, необязательно.

М: Вот и все, а остальное, о чем мы спорим, наверное, бесполезно.

А: Нет-нет, полезно и нужно. Я хочу, чтобы вы поняли эту тонкость. Человек правду ищет *всегда* – это ему присуще. Это глубоко внутреннее, имманентное, неотделимое от человеческой души ее свойство – поиск и жажда правды. Вот вы говорите о выборе. Как делается выбор? Между чем и чем он делается? И *кто* делает выбор? Внутренний выбор осуществляется в человеке всегда между одной частью его

души, которая хочет одного, и другой частью его души, которая хочет совсем другого. Поэтому, когда человек принимает позу правдолюбца, это не значит, что он стопроцентный лицемер. Он хочет знать правду, все равно, даже просто принимая позу. Но когда эта правда начинает к нему приближаться, его эго начинает испытывать страх. В каждом из этих высказываний заключен не просто парадокс, или, если угодно, не только парадокс. В каждом из них заключена идея капитуляции, та глобальная идея, которую Христос так же глобально продемонстрировал на кресте. С «плачущими» это было отчетливо ясно, и с «нищими духом», и с «кроткими» это тоже так. В «алчущих и жаждущих правды» эта идея также заключена, и нам нужно ее увидеть.

Д: Ты имеешь в виду, что человек должен быть готов отдать все, все потерять, если такова будет цена?

А: Главное – потерять свое эго.

У: Не та правда, которая удобна тебе, а та правда, которая...

Д: Ну, да. *«Не как Я хочу, но как Ты»*.

А: Удобной правды не бывает. Бывает удобная ложь. А правда удобной не бывает никогда, во всяком случае, правда о себе. Где здесь идея капитуляции?

У: То, что мы говорим, – это *недо-то*?

А: Чуть-чуть не дотягивает: то, но *недо-*. Где здесь момент капитуляции?

Д: В отказе от всего ради правды.

А: Да. Я хочу, чтобы вы увидели этот момент капитуляции. Когда побеждает эго, остается очень сильное неудовлетворение, внутренний раздрай, такая внутренняя взбуктенность, очень сильная дисгармония. Что делает человек, когда это неудовольствие проступает? Он начинает убеждать себя, что то, что он сделал, – правильно. Чем сильнее взбуктенность, тем сильнее он себя в этом убеждает. И в то же время, если алкание правды искренне, истинно, если, дойдя до конца, человек все же сделает выбор в пользу принятия истины, то, пройдя через тяжелейший момент признания собственной неправоты, в конце концов человеческая душа вновь обретает мир и покой в гармонии с самой собой. Этот момент нельзя недооценивать: принять, увидеть правду порой невероятно трудно; трудно именно потому, что не хочется проходить через тяжелейший момент капитуляции, который для эго – без преувеличения – подобен смерти. Видите, какой парадокс?

Вожделеешь то, что труднодостижимо. И в то же время – когда приближаешься к заветной цели, вдруг выясняется, что страшно и уже не хочется. Это один момент. А другой момент – это *что* именно трудно. Трудность заключается в том, что на первый взгляд, правда может казаться недостижимой. Это очень важная точка. Сомнения могут подступить на любом отрезке пути: в начале, в середине, в самом конце – «мне не дойти, не достичь, я не доживу до того блаженного момента, когда правда наконец-то накроет меня с

головой». И эта точка – тоже момент преодоления, момент капитуляции: несмотря ни на что не отчаиваться, а все равно искать и алкать эту правду. Здесь очень много тонкостей и нюансов, связанных с капитуляцией. Вспомните притчу Раджниша – о человеке, который хотел узнать, что такое медитация.

Один человек долго искал Учителя, который мог бы научить его медитации, и кто-то однажды сказал ему, что где-то в далеких горах есть Мастер, который владеет этим искусством. Он пошел туда – через горы, перевалы, пики и ущелья. Он шел очень долго, в дороге весь истрепался, устал, перенес много тяжелых испытаний. Но в конце концов нашел ту долину, о которой ему рассказывали. Когда он спустился в нее, то увидел хижину и понял, что это хижина того самого отшельника и что сейчас он узнает, что такое медитация. Он вошел в хижину. Она была пуста. Он посмотрел на топчанчик, понял, что здесь уже давным-давно никто не живет и что этот Мастер умер. И теперь он никогда не узнает, что такое медитация. Он вышел, совершенно обессиленный, лег на траву и сказал: «Я отказываюсь. Я отказываюсь узнать, что такое медитация. Видимо, мне не дано». И так он лежал, раскинув руки и ноги: под ним шелестела травка, рядом журчал ручеек, в небе плыли облака. Внезапно на него упала тень. Он открыл глаза и увидел величественного старца с белоснежной бородой и с посохом в руке. «Ну что, мальчик», – спросил он, хотя тот был зрелым мужчиной, –

«ты хочешь меня о чем-то спросить?» «Нет», — ответил человек, — «я ни о чем не хочу тебя спрашивать». Старик громко расхохотался и спросил: «Ну что, теперь ты понял, что такое медитация?» «Да», — сказал он, — «я понял, что такое медитация».

Это к вопросу о трудности достижения правды. Пусть этот рассказ о медитации — можно подставить слово «правда» вместо «медитация» — и все сразу станет ясно. Если правду нам не просто преподносят, а мы сами к ней идем, то тогда мы подходим к ней через такие кризисы. Кризисы в процессе познания истины бывают разные. Бывает и так, что мы начинаем метаться и упираться, как бычок на веревочке, за которую кто-то тянет.

Несмотря на то, что такие кризисы могут иметь различные причины: сомнение, сопротивление бессознательного, малодушие и т. д. — сила их напряжения примерно одинакова. А значит, одинакова и сила последующей капитуляции. И когда она наступает — вот он, момент посвящения. Вы почувствовали, насколько этот человек в притче был умиротворен и расслаблен, ощутили то состояние глубокого покоя, в котором он находился? Потому что он *насытился*. Эта насыщенность по энергетике ближе к насыщенности сексуального характера, чем пищевого. Понимаете, о чем это высказывание? О том, что как бы далеко от нас ни казалась правда, она на самом деле гораздо ближе, чем нам кажется. Так же, как Бог — каким бы далеким Он ни казался в минуты на-

ших жизненных испытаний, на самом деле, Он к нам намного ближе, чем мы думаем.

Хочу предложить вам вернуться к началу нашего рассуждения. Прежде всего зададимся вопросом, почему везде употреблено слово «блаженны»? Почему именно это слово? И что оно означает? Обыденное значение слова «блаженные» прямо противоположно тому, в котором употребляет его Иисус в Нагорной проповеди. В обычной жизни блаженные – это «те, кто испытывают блаженство» – это однокоренные слова. Еще одно значение слова «блаженный» – «тот, кто живет, как в наркотическом дурмане, не замечая суровой реальности, без контакта с ней» – явно возникло в результате реакции на непонимание проповеди Христа – как Его слов в Нагорной проповеди, так и в самом широком смысле.

И действительно, как может человек испытывать блаженство, если его гонят, травят, клеветают на него, а он сам при этом алчет, жаждет, плачет и т. д.? Ну конечно, только если он ненормальный! Это ясно любому, а уж здравому смыслу – в первую голову. Но мы с вами не здравомыслящие люди, и поэтому нам ничего не ясно.

Итак, зададимся же и мы этим банально-здравомыслящим вопросом: как, каким образом возможны блаженства, перечисляемые Иисусом? На первый взгляд кажется, что блаженство это либо невозможно, либо, на худой конец, является не более чем обещанием грядущего блаженства. Однако из текста этого не следует, в самом тексте «блаженны»

читается как «те, кто блаженны здесь и сейчас». Как это возможно?

Это возможно только в одной ситуации: когда блаженные еще не знают, что они блаженны, и поэтому блаженны они, не ведая того.

Итак, почему «блаженны алчущие и жаждущие правды»? Давайте попробуем увидеть их состояние. Для этого нам придется опять идти от противного. Кто такие те, кто *не* алчет и *не* жаждет правды? В чем кардинальное отличие одних от других?

Самое поразительное заключается в том, что хотя мы можем и не знать правды, в глубине души все *всегда* знают, хотят они ее узнать или не хотят – третьего не дано. И если для незнания правды человеку не надо предпринимать никаких усилий, то вот для того, чтобы скрыть от себя факт нежелания к ней стремиться, определенные усилия все же нужны. И надо сказать – немалые. Направляются же они на то, чтобы, насколько возможно, оборвать все связи с той самой глубиной, которая внутри нас все знает. И именно в результате этого целенаправленного усилия, (довольно мощного, кстати, и энергозатратного для психофизики) люди начинают врать себе и другим, а вовсе не потому, что они не знают правды. Правды не знают и те, кто к ней стремится, только вот не знают они ее *по-другому* – вот в чем тонкость.

Теперь можно вернуться к алчущим правды. Как видим, чтобы даже просто не знать правды, нужна в определенной

мере активная позиция, по крайней мере, для тех, у кого душа обладает какой-то глубиной. Ну, если она уже утрачена, тогда да – никаких проблем – «живи себе нормальненько, есть повод веселиться»: с растений, и правда, спрос невелик. Иное дело, если душа все-таки взалкала правды. Уже сам факт этого алкания подразумевает, во-первых, признание того, что ищущий правды ее не знает, во-вторых, его нежелание в этом прозябать, – причем сила этого нежелания должна быть такой, чтобы – в-третьих, возникла готовность идти на любые жертвы ради пока еще неведомой правды неизвестной ценности. Именно эта готовность, составляющая основу и ядро алкания правды, лишает личность ее обычного животного эгоизма и привносит в ее структуру мощную струю того внутреннего благородства, которое только и делает человека человеком.

Мы видим, что жажда правды, в отличие от обычного житейского желания, инициирует разворачивание сложного внутреннего процесса, который мы по праву можем назвать алхимической переплавкой. Суть ее состоит в следующем. Подлинная правда находится в той самой глубине души, которой, как вы понимаете, хорошо известно, хотим мы знать эту правду или нет. И даже еще глубже: в той точке, где встречается человеческое и Божественное. И чтобы «насытиться» правдой, наполниться ей, надо впустить в себя стоящее за ней Божественное начало. А впустить – значит, вместить, а вместить – значит, сжечь все то слабое, че-

ловеческое, что доселе там находилось. Вот тут и наступает момент истины для взалкавших правды, и это не каламбур. Это значит, что правда *всегда* по определению, не совместима с нашим обычным, греховным человеческим началом. А из этого следует, что когда наша жажда правды, воплотившись, призовет к себе эту самую правду, то перед алчущими встанет очень непростой и нелегкий выбор – впустить в себя эту Божественную правду или... сохранить свое человеческое «я». Чем определится исход этого выбора? Только искренностью алкания – больше ничем.

Несколько выводов. Во-первых, истинно «алчущие и жаждущие правды» обязательно насытятся. Не насытятся только те, кто алкал «понарошку», для видимости, а на самом деле не был готов ничем жертвовать. Увы, таких – большинство, и знайте, что все их сокрушения по поводу недоступности правды гроша ломаного не стоят. Во-вторых, становится понятным, что само состояние «алкания» обладает самостоятельной ценностью, ибо ведет к лишению привычных эгоцентрических ориентиров, развитию децентрализованности в человеке, углублению и взрослению его личности.

И, наконец, в-третьих, то состояние жертвенной готовности, которое охватывает при этом человека, есть самое ценное во всем этом процессе, оно даже ценнее в глазах Бога, чем само достижение правды. И вот это-то состояние и есть не что иное, как то самое искомое нами блаженство. А теперь вернемся в начало нашего рассуждения. Смотрите, что по-

лучается. Если блаженство – это состояние жертвенной готовности, тогда – да, «блаженны алчущие и жаждущие правды», причем прямо здесь и сейчас, в своем алкании. С другой стороны, «ибо насытятся» – тоже верно, но теперь оно верно иначе: не просто потому, что когда-то, наконец, наступит искомое насыщение, а потому, что жажда правды только тогда и есть блаженство, когда градус ее искренности настолько высок, что не может не привести к насыщению, то есть к обретению этой самой правды. Посмотрите, насколько все стало тоньше и поменялось местами. И, наконец, изменилось само понятие блаженства: как сильно оно отличается от обычного наслаждения удовольствиями, насколько Иисусово блаженство тоньше, выше, пронзительнее, чем то, к чему стремится обыденное сознание. Такова истинная духовность, и христианство – не единственная традиция, позволяющая к ней прикоснуться.

У: Как интересно раскручивается смысл – один из другого.

7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

А: Такая же простая фраза, как и все предыдущие. Ваше мнение по этому поводу? Д: Здесь, наверное, милость как сострадание?

М: Со-страдание – причастность к страданиям другого.

Д: Мне кажется, что настоящее сострадание включает в

себя эту самую капитуляцию.

А: Ну, конечно, включает. А в чем она заключается?

Д: В способности понять страдания другого человека, не просто пожалеть со стороны, а почувствовать и понять.

У: И, мне кажется, еще – не навязать свой опыт, свои проекции.

А: На эту тему в самом Евангелии есть притча (Иоан. 8.3—11).

Д: Про грешницу?

А: Да. Любимая притча дзенских мастеров, после прочтения которой они утверждали, что Иисус был просветленным. Вы представьте себе эту ситуацию! На картине Поленова «Иисус и грешница» очень хорошо переданы выражения лиц фарисеев: их и лицами-то трудно назвать... И вот они ждут, когда Учитель допустит малейшую ошибку, чтобы радостно на него наброситься – со свистом, руганью, улюлюканием, а то и побить палками.

Д: Им и до грешницы нет никакого дела.

А: Эта нравственная порочность настолько сильна, и это лицемерие... А помните, как заканчивается притча? Иисус говорит грешнице, что не осуждает ее. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». В этой фразе заключена центральная идея всей христианской религии.

У: Тут ведь и «не судите да не судимы будете»... (Мф.7.1)

А: Вам непонятно, как дальше двигаться? Найдите антоним к слову «милостивый» и разберите его смысл и что про-

исходит в этом случае. Сразу все встанет на свои места.

У: Антоним? Жестокосердный...

М: Очень эговый.

Д: У такого человека даже в жалости, как это ни удивительно, присутствует момент самоутверждения.

А: Да. На языке психоанализа это называется инвазия архетипа тени¹⁴. Продолжайте, вы сейчас рассуждаете в нужном направлении. Так какие они, неблаженные? И почему?

М, Д, В: Осуждающие.

А: Да. Ибо будут осуждены. Все правильно. Возьмите эти слова, посмотрите на них: «осуждены, осуждающие»...

М: Человек осуждающий... мы, как правило, в других людях осуждаем то, чего не принимаем в себе. Милостивый человек – это тот, кто прежде всего свои недостатки осознал и принял, главное – принял, а значит – капитулировал. После принятия этих недостатков в себе, проекции, осуждение уже никогда не смогут распространиться на других.

А: Bravo, Рита. Мне нечего к этому добавить. Я бы сказал другими словами, но смысл именно такой. Почему милостивые будут помилованы? Не потому, что они просто милостивы. Это неправильный взгляд. Милостивый – это тот, кто милует, а милует – значит, прощает. А прощает – значит, не держит в себе зла. А не держит зла – значит, не производи-

---

¹⁴ **Архетип тени** – понятие из аналитической психологии К. Г. Юнга, описывает взаимоотношения между вытесняемыми и непринятыми качествами в психике индивида и механизмами их проецирования на окружающую среду.

рует иллюзорные инфернальные проекции на других как на носителей демонического начала. Демонизация же других – первый шаг к собственной демонизации. Логика этих внутренних процессов прекрасно отражена в народной пословице «с волками жить – по-волчьи выть».

Прошу вас обратить на это особое внимание: милостивый – это тот, кто не держит в себе зла на других. А теперь задумаемся: а можно ли «держат в себе зло», то есть, буквально «быть сосудом, вместилищем зла» как-то иначе? И оказывается, что нет! «Держать зло на других» и просто «быть сосудом, вместилищем зла» – это одно и то же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.